

Глава IV. СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ И РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА В ФОКУСЕ МЕНТАЛИТЕТА РУССКИХ

Изучение механизма конвертации менталитета в перечень ментальных черт логично начать с помощью историко-генетического подхода к изучению исторически изменчивых смыслов понятий, использованных для обозначения отдельных компонентов его структуры. Равновеликое значение всех архетипических образов не предполагает выделения из их перечня ключевых, но, обращаясь в первую очередь к интерпретациям таких понятий, как «мобилизационный тип развития» и «державность», мы получим представление о том, каким образом историческая мысль находила и объясняла влияние проявлений сферы бессознательного на развитие общества и государственной власти. Впрочем, они не исчерпывают собой проблемы специфики российской цивилизации, но автор избрал эти параметры как наиболее доступные для проведения экспертизы указанному подходу, осуществляемой на основе историографических источников.

4.1. КОНЦЕПЦИЯ О МОБИЛИЗАЦИОННОМ ТИПЕ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Длительное время в исторических науках для построения объясняющих схем в качестве базовых преимущественно использовались понятия из политэкономии (общественно-экономическая формация, способ производства, производительные силы, производственные отношения и другие) и исторического материализма (общественный строй, надстройка, классы и т.д.). В формационной парадигме внимание концентрировалось на стадильном моделировании представлений о социальных структурах. Как следствие, ощущался дефицит

идей и понятийного аппарата для выделения особенного в ряду исторических процессов.

Характерной чертой отечественной историографии периода 1990–2010 гг. явился поиск новых смыслов и терминов, которые бы предоставили дополнительные возможности для исторического понимания цивилизационной специфики российского общества. Так, с начала 1990-х гг. в социально-гуманитарных науках в качестве посыла к широкому использованию стало транслироваться утверждение о том, что западно-европейская и российская цивилизации в течение XIII–XV вв. сменили эволюционный тип развития на инновационный (Запад) и мобилизационный (Россия)¹. Данное размежевание связывалось с окончанием периода синхронного расцвета городов в западной и восточной частях европейского континента. В логическом плане теза была уязвима, так как взятый из биологии термин «эволюция» изначально обозначал «историческое самодвижение системы организм – среда»², поэтому все типы развития того или иного общества следовало бы отнести к ряду эволюционных процессов. Однако возобладала точка зрения, что для последних типично главенство исключительно внутренних источников движения, созревших объективно, без сознательного вмешательства людей³.

Этимология термина «мобилизация» в зависимости от приложения к различным сферам деятельности (хозяйственной, политической и другим) была специально рассмотрена С. Н. Ушаковой. В целом выявленные смыслы поглощались процитированной автором формулировкой: «приведение кого-либо или чего-либо в активное состояние, сосредоточение сил и

¹ Кульпин Э. С. Генетический код цивилизации // Природа и общество: на пороге метаморфоз. Серия «Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России» Под ред. Кульпина-Губайдуллина Э. С. – Вып. XXXIV. – М.: «ИАЦ Энергия», 2010. – С. 21; Олейников Ю. В. Указ. соч. – С. 127; Пахомов П. В. Детерминанты становления власти как основного субъекта русской истории // Философия и общество. – 2007. – № 4. – С. 138.

² Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – С. 219.

³ Фонов А. Г. Указ. соч. – С. 205.

средств для достижения какой-либо цели», в согласии с которой автор предположила, что советское государство «строило свои отношения с обществом по мобилизационному типу... Социальная мобилизация являлась основным фактором экономического, социального, политического и культурного развития страны, во всяком случае – до первой половины 1950-х гг.»¹.

Впервые рассматриваемое понятие было включено в формулу «мобилизационная модель развития» историком А. А. Галкиным (1990), поставившим цель дать характеристику социально-экономической политики большевиков, направленной на преодоление отсталости страны. В 1993 г. А. Г. Фоновым была издана монография с концептуальным обоснованием уже мобилизационного типа развития (далее – МТР), по его мнению, характерного для России². Согласно разработчику другого, конкурирующего направления исследований – В. В. Седову, речь должна идти исключительно о периодическом возвращении общества к мобилизационной модели экономики, предполагающей сосредоточение по инициативе государства сил и средств для ответа на внешние угрозы, несущие в себе в конечном итоге потерю независимости³. Историкографический интерес представляет обоснование и содержание обеих концепций и их вариаций, в том числе выявление истоков суждений, сильных сторон и уязвимых для критики мест в основных постулатах, а также вопрос о вкладе в развитие исторического знания о российской цивилизации.

Приступая к анализу концепции А. Г. Фомотова, отметим, что внимание исследователей к последней усилилось в 2000–2006 гг., то есть в период спада в обществе эйфории по поводу перспектив быстрого и успешного продвижения в направлении

¹ Ушакова С. Н. Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества. [Электронный ресурс] – URL: <http://history.nsc.ru/publ/1/html/ushakova.htm> (дата обращения 5.04.2013).

² См.: Галкин А. А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. – 1990. – № 18. – С. 23 - 33; Фонов А. Г. Указ. соч.

³ Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. – Челябинск: Челгу, 2003. – С. 21.

рыночной экономики западного образца. Первоначально мобилизационная проблематика стала предметом глубоких научных изысканий относительно немногочисленной группы учёных: А. В. Лубского, О. В. Гаман-Голутвиной, В. П. Никифорука и В. В. Амаева. В разрезе истории взаимодействия природы и общества она рассматривалась Ю. В. Олейниковым¹. Аналитические выкладки строились на общем утверждении о том, что для крупных сообществ характерны свои, обусловленные комплексом детерминирующих факторов специфические соотношения между потребностями и условиями развития. Их особая пространственно-временная динамика определялась как историческая тенденция, означающая конкретный тип развития². Указанную мысль дополнял другой тезис А. Г. Фонотова, согласно которому «эти потребности и условия воспринимаются строго определенным для данного типа развития образом, который, закрепляясь в ходе человеческого развития в конкретных социальных институтах, воспроизводится через систему этих институтов, обуславливая поведение системы в новых обстоятельствах»³. В другом месте текста автор определил МТР как «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм», а также как «средство выхода из застойного состояния или инструмент ускорения эволюционного развития за счет сознательного и целенаправленного вмешательства в механизмы функционирования общества»⁴.

Несомненно, изложенные выше умозаключения указывали на поиск языка описания сложной природы предмета исследо-

¹ См.: Амаев В. В. Инновационный тип развития экономики: дис. ... канд. эконом. наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – 162 с.; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, Издательство АНО, 2006. – 446 с.; Лубский А. В. Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии; Никифорука В. П. Особенности политической модернизации общества в условиях мобилизационного типа развития России: автореф. дис. ... канд. политол. наук. – М., 2001. – 22 с.

² Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. – С. 27.

³ Фонотов А. Г. Указ. соч. – С. 47.

⁴ Там же. – С. 71, 205.

вания. Вместе с тем в них нечётко вырисовывалась масштабность рассматриваемого явления, что допускало упрощённое объяснение сути кризисных процессов в истории российского общества, за которыми, согласно автору, следует необходимость только восстановления разрушенных факторов, а для инновационного типа – переход от одних факторов к другим, более высокого порядка. Категория развития представлялась обобщённо в виде некоего динамичного фундаментального свойства социально-экономической системы. В рамках одной формации, одного способа производства допускались различные типы развития¹.

Указанные обобщения дали В. В. Седову повод полагать об излишнем доминировании в содержании рассматриваемой концепции макроэкономических смыслов и игнорировании мезо- и микроэкономических подходов. В вину её автору засчитывалось противопоставление мобилизационного типа развития инновационному, вследствие чего в историографии стало складываться мнение о мобилизационности в негативном ключе².

Попытку внести в указанную проблему ясность предпринял В. П. Никифоров, предложивший различать МТР в широком смысле, который в общих чертах и отразился в формулировках А. Г. Фомотова. Понятие в узком смысле, по его мнению, применимо на примере России к периодам собственно мобилизации, выделенным по признаку отсутствия «социальных групп, использующих в своих целях без адекватного возмещения изъятые у общества ради решения задачи выживания ресурсы»³. Наоборот, наличие таких групп свидетельствовало о периодах стабилизации. Таким образом, в разнообразных контекстах мобилизационный тип развития солидарно определялся как исторически выработанный социумом механизм перестройки политико-экономической сферы в целях преодоления чрезвычайных обстоятельств.

¹ Там же. – С. 117 - 118.

² Седов В. В. Указ. соч. – С. 18 - 20.

³ Никифоров В. П. Мобилизационный тип развития: особый путь России от Ивана Грозного до Владимира Путина. – М.: Слово, 2000. – С. 25 - 26.

В отношении России исследователи констатировали вневременную актуальность и наличие эвристического потенциала у концепции МТР в части изучения особенности российского общества. В рассматриваемый период конкретизация её проблемного поля осуществлялась на основе сюжетов российской истории, изобилующей периодами интенсивного взаимодействия и противостояния с соседними государствами. А. Г. Фонов и его последователи разделяли мнение о доминировании политической составляющей в жизни общества, которое и ранее находило широкий отклик в советской историографии и в рассматриваемый период было популярно, к примеру, среди сторонников теории модернизации¹. Главным агентом, периодически инициировавшим социально значимые цели в масштабах страны, называлось государство. Внимание фокусировалось на оценке эффективности действий центральных и местных органов управления, связанных с наступлением чрезвычайных политических ситуаций, кульминацией которых, как правило, являлись военные действия. В этой связи логичными выглядели перечисленные компоненты мобилизационного типа развития, представлявшие собой дополнительный инструментарий для обслуживания политики управляющей элиты, а именно:

– особый тип экономики, нацеленной на реализацию чрезвычайных целей, невзирая на критерии экономической целесообразности и эффективности;

– компенсационная система, представлявшаяся совокупностью способов внеэкономического вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот (природных, трудовых, военных приобретений);

– командно-административная система – активный регулятор всех процессов в виде управленческой иерархии с жесткой регламентацией деятельности.

¹ Фонов А. Г. Указ. соч. – С. 129 - 130; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. – СПб.: Наука, 1998. – С. 349 - 353.

В рассуждениях присутствовали следы конъюнктурной риторики второй половины 1980-х гг., когда понятие «командно-административная система» воспринималось как наиболее удачное для общей характеристики сложившегося в советское время порядка управления. Но оно не годилось в отношении других периодов истории, и в этой связи ощущалось отсутствие всех устраивающей семантической формулы, которая бы выражала реальность эффекта преемственности особенных функций властных структур.

Лейтмотивом многих рассуждений на данную тему являлась мысль о том, что в России начиная с XVI века под воздействием мощных социальных импульсов Смутного времени и далее Петровских реформ, активной внешней политики Екатерины II, восстания декабристов, войн 1812 г., 1853–1856 гг. 1877–1878 гг. и особенно событий XX века власти периодически тратили гигантские объёмы всевозможных ресурсов с целью содержания и технологического совершенствования в первую очередь военно-промышленного комплекса страны. В сложившихся условиях российское государство, озадаченное обеспечением безопасности территории, выполняло, как полагал А. В. Лубский, функцию доминантной формы социальной интеграции¹, то есть её цели и интересы становились определяющими для векторов трансформации и одновременно для консолидации вокруг и внутри себя остальных подсистем общества.

Как видим, мотивация на развитие связывалась с попытками противостояния агрессии со стороны крупных сообществ. В исследованиях О. В. Гаман-Голутвиной утверждалось, что межцивилизационные противоречия дополнительно совершенствовали мобилизационные способности центральной власти. В результате анализа действий многих поколений российской политической элиты по поддержанию собственной легитимности была выявлена традиция – формулируя текущие геополитические приоритеты и насильственно переключая социум в

¹ Лубский А. В. Указ. соч. – С. 24.

режим повышенных нагрузок, быть ответственной за решение двух дилемм¹.

Первая заключалась в осознании несоответствия между умеренными темпами развития общества, отягощённого грузом консервативности в существовавшем порядке своей самоорганизации и наличием факторов внешнего «раздражения». Перманентность данной ситуации мотивировала правящий слой следовать МТР как целесообразному способу решения двух задач. Во внешнеполитической сфере – постоянному укреплению обороноспособности государства перед угрозой войны и во внешнеэкономической – ускоренному достижению технологического паритета и экономической самостоятельности в отношении постоянно модернизирующегося Запада.

Вторая дилемма сопровождала все периоды форсирования индустриализации в стране, начиная с преобразований под руководством Петра I, Александра II, С. Ю. Витте – П. А. Столыпина, затем И. В. Сталина. Перед обществом неизменно ставились недостижимые цели (с позиции «догнать и перегнать» стандарты стран – лидеров рыночной экономики или равнения на иллюзорный образ будущего) при отсутствии требуемого качества/объёма ресурсов (финансовых, интеллектуальных, производственной инфраструктуры и иных) и вызревших внутренних условий для реализации намеченных кардинальных мер. В этом случае перспектива сохранения властями легитимности чаще оказывалась в зависимости не от конечного результата, а от патриотического пафоса, сопровождавшего сам процесс перемен, и от его промежуточных результатов, пока ключевым фигурам центральной власти удавалось удерживать управляющий слой и другие группы населения в напряжении, созидающем социальные новации.

Научная безупречность логической операции связывать влияние изменчивости естественных условий жизнедеятельности общества с темпами социальной динамики, которые могли варьироваться от чрезвычайно подвижного состояния до вяло

¹ Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. – С. 18 - 31.

текущего, давала исследователям повод рассматривать их в качестве факторов, воспроизводивших в пределах пространства и времени российской цивилизации мобилизационный тип развития. Перечень факторов представлялся в следующем виде.

1. Наличие мало(не)освоенных территорий и природных ресурсов как наиболее доступного и экономичного средства для временного снятия остроты социальных противоречий. Для жителей русской деревни они гарантировали минимальный уровень удовлетворения жизненно важных потребностей, для торгового и промышленного капитала – получение прибыли при минимуме вложений в организацию дела, для государства – приобретение новых источников рентных платежей и укрепление внешнеполитических позиций через расширение экономически развивающегося пространства.

2. Низкая плотность населения на единицу площади, которая, по утверждению Л. В. Милова, связана, прежде всего «с реальными возможностями территорий и с реальными возможностями почвы. Еще с XVII века люди сходили с мест, потому что эта земля уже ничего не давала»¹. Исход крестьян, по мнению А. К. Соколова – одного из участников дискуссии с академиком, в конечном итоге тормозил поиск новых форм производства, и в этом случае процессы колонизации новых земель выступали как причина консервации экстенсивного способа производства.

3. Неблагоприятные природно-географические условия для эффективного земледелия. Ещё русским географом П. Н. Савицким была обозначена условная естественная граница российской цивилизации к концу XIX в. – по нулевой изотерме января, приблизительно соответствующей западным границам СССР². На запад – изотерма положительна, а на во-

¹ Круглый стол. Обсуждение книги Л. В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 573 с.». [Электронный ресурс] – URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/HisTheory/Ed2/kurgst2.htm> (дата обращения 7.02.2012).

² Савкин И. Интервью с Л. Н. Гумилёвым // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М.: Экопрос, 1993. – С. 25 - 32.

сток – отрицательна, и по мере продвижения на север и за Урал внутриконтинентальные перепады положительных и отрицательных температур усиливаются (с +40 до –50 град.) с доминированием по времени последних (240–230 дней в году). До минимума сокращён летний вегетативный период у растений как важнейшего звена в трофической цепи и высока его зависимость от ежегодных колебаний объёмов поступления влаги в почву. Короткий срок, отпущенный природой для земледельческих работ и сопутствующих им промыслов, предполагал высокую концентрацию коллективных усилий людей в основных хозяйственных звеньях.

Стечение в отдельные годы благоприятных климатических условий ещё не гарантировало сбор хорошего урожая в целом по стране вследствие дефицита территорий с неистощёнными чернозёмами. Пашня постоянно нуждалась в унавоживании, и этот трудоёмкий процесс в конце зимнего сезона чаще заканчивался недовложением удобрений с последующим нарастанием кризисных экологических явлений.

4. Перманентный дефицит совокупного прибавочного продукта¹, который сдерживал развитие российских городов и, следовательно, третьего сословия как основы научно-культурной среды и институтов гражданского общества – ключевых участников естественным образом формирующихся инноваций, в том числе новых технологических укладов в экономике.

Заметим, что способность к ситуативной мобилизации, то есть к переходу в режим более интенсивной эксплуатации всевозможных ресурсов в связи с наступлением временных чрезвычайных (как правило, военного, экономического или природного характера) обстоятельств, была не чужда народам и другим стран и цивилизациям. Но в отношении России это свойство, проявлявшееся наиболее отчётливо в отдельные периоды

¹ Милов Л. В. Особенности исторического процесса в России // Альманах «Восток». – Вып. 2 (14), – февраль 2004 г. [Электронный ресурс] – URL: http://www.situation.ru/app/j_art_257.htm (дата обращения 20.09.2011).

истории, в отечественной историографии получило статус системообразующего.

Историки, изучая МТР через призму постижения специфики и организационных возможностей государства, нередко затушёвывали роль самого общества, подразумевая незначительное влияние его внутренних импульсов на собственное развитие вследствие слабости или отсутствия гражданских институтов.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что мобилизационный тип развития, равно как и соответствовавшие ему управленческие модели в России, существовал благодаря условиям, вызревавшим внутри социума, исследованию которых были посвящены отдельные работы, принадлежавшие перу представителей многих поколений отечественных историков.

Так, впервые в трудах С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского и географа Л. И. Мечникова в дореволюционной науке был поставлен вопрос о причинно-следственных связях между биосферной средой и спецификой хозяйствования, характером государственности в России, и указывалось на их безусловную корреляцию. Особое влияние на жизнь народа, по утверждению С. М. Соловьёва, оказывают три фактора: «природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают»¹.

В советский период это направление научной мысли глубоко разрабатывалось в трудах И. Д. Ковальченко, Л. В. Милова, А. Л. Шапиро, А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина² и других исследователей русской деревни. На основе анали-

¹ Соловьёв С. М. Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1990. – С. 18.

² См.: Аграрная история Северо-Запада России. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Руковод. авторского колл. А. Л. Шапиро. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 221 с.; Ковальченко И. Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства России в первой половине XIX в. // История СССР. – 1959. – № 1. – С. 64 - 84; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. – М.: Наука, 1972. – 307 с.

за по-уездной статистики XVI – первой половины XIX в. посевов на душу населения, ежегодных колебаний урожайности (с выделением засушливых лет), размеров налогов и повинностей, интенсивности труда и других показателей были выявлены скромные объёмы производства валовой продукции усреднённым крестьянским двором в европейской части страны, чаще недостаточные для полноценного восполнения в комплексе его производительных сил. Выводы крестьяноведов касались истоков экономической составляющей проблемы МТР. Выявление их в более полном спектре было возможно при дополнительном обращении к первичному уровню самоорганизации народов – к истории формирования отношений в рамках этнических общин, то есть к среде, в которой изначально в условиях бытовой повседневности стереотипизировались часто повторявшиеся жизненные ситуации.

В исторических науках изучение этнической общины шло параллельно постижению проблемы МТР, несмотря на констатацию в обоих случаях общих, их обуславливавших факторов. Отметим труды М. М. Громько, С. В. Лурье¹ и других учёных, в продолжение традиции русской историографии формировавшие представление о русской общине как о социальном организме, который гибко приспособлялся к меняющимся внешним обстоятельствам. У её членов отмечалась синкретичность мировосприятия и особая организация внутреннего мира. Примечательны несколько заключений авторов, позволяющие понять, в каком качестве население ощущало себя обществом, чтобы выделить принципиальную разницу с появившейся в конце XX в. идеализированной моделью гражданского общества, собирательно скопированной отечественными интеллектуалами с отдельных стран Запада, которая выступала своеобразным эталоном при оценке социальных институтов современной России.

¹ Громько М. М. Мир русской деревни; Лурье С. Община, империя, православие в русской этнической картине мира XV-XVII веков // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – С. 61 - 74.

Так, С. В. Лурье установила, что ещё в XVI–XIX вв. крестьянин, доминировавший в массе населения как демографическая единица и основной производитель совокупного продукта, осознавал себя членом русского общества лишь в качестве части конкретной общины, мира. «Мир» представлялся ему автономной самодостаточной целостностью с определёнными атрибутами государственности: самоуправлением по установленному порядку, судом по «обычному праву», карательными функциями по приговору схода, функциями защиты общественных норм жизни, включая контроль над порядком хозяйствования, над соблюдением норм морали¹. «С правовой точки зрения, он был административной единицей, с точки зрения имущественного права — поземельной передельной общиной, а со стороны церковноканонической мир был приходом... государство понималось как система, объединяющая многочисленные «миры»², автономия которых составляла часть земского самоуправления. Автор небезосновательно отметила, что и в начале XX в. крестьяне считали себя членами большого государства-общины, искренне воспринимая все свои действия как службу царю, Отечеству. Ценности, вытекавшие из внутренней жизни русской общины, не могли не соответствовать тенденции мобилизационного развития общества в целом. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на стереотипное восприятие крестьянами меры индивидуальных потребностей, которой, согласно социологическим опросам, продолжает руководствоваться большинство представителей российской цивилизации и в XXI в.³

В отличие от цели — накопление капитала, характерной для экономических отношений у народов Западной Европы, хозяй-

¹ Лурье С. В. Россия: община и государственность // Научный альманах «Цивилизации и культуры». — Вып. 2. «Россия и Восток: цивилизационные отношения». — М.: Изд-во Института востоковедения, 1995. — С. 141.

² Лурье С. Община, империя, православие в русской этнической картине мира XV–XVII веков. — С. 62.

³ Абульханова К. А. Психология и позиции личности в современном обществе. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.hse.ru/data/805/393/1238/Abulhanova.pdf> (дата обращения 25.04.2013).

ство крестьянского двора ориентировалось на достижение достатка, который восполнялся за счёт занятий земледелием, промыслами и товарообмена на ярмарках. Категория экономической достаточности подразумевала удовлетворение определённых потребностей производителя, не выходя за рамки его самообеспечения, с опорой на материально-технические возможности семьи и физические силы её членов и привлечённых работников. Трудовое целеполагание русских освящалось духовными установками на справедливость и нестяжательство¹. В данной ситуации лишние деньги чаще выполняли функцию «жира про запас» для экстренных случаев. В советское время аналогичную мотивацию имело большинство людей, работавших на предприятиях (в учреждениях), нередко восполнявших достаток с помощью приусадебного (мичуринского) участка.

Достаток крестьянского двора находился в прямой зависимости от климатических условий, размеров пашни, количества рабочих рук и голов скота. Признаки интенсификации труда имели в основном временное выражение – в увеличении продолжительности рабочего дня, в сжатости сроков сельскохозяйственных работ. Подобная устойчивая мотивация, характерная для жителей внутриконтинентальных Восточно-Европейской, Туркестанской, Западно-Сибирской равнин и примыкающих к ним предгорий (возвышенностей), была следствием влияния среды обитания, в целом неблагоприятной (чаще экстремальной) для земледелия и скотоводства. У русской деревни, к примеру, она смягчалась коротким летним периодом (в среднем – 4 месяца в году). Таким образом, крестьянин и в мирное время всегда испытывал перенапряжение сил. Постоянно сопровождавшая его внутренняя установка успеть выполнить весь календарь сельскохозяйственных работ при остром дефиците времени служила мощным психологическим стимулом, изначально привносившим в хозяйственную деятельность черты мобилизационности, а достигаемый невысокий уровень продуктивно-

¹ Марцева Л. М. Указ. соч. – С. 22 - 32.

сти являлся показателем и одним из условий материализации МТР.

В рамках другого направления исследований учёные акцентировали внимание на характерной, по их мнению, для России XX в. мобилизационной модели экономики, которая, согласно одним авторам, периодически реанимируется, а по убеждению других, действует постоянно, и не только в связи с чрезвычайными ситуациями, оказывая существенное влияние на все сферы жизнедеятельности. Перечень основных признаков, по которым идентифицировалась мобилизационная экономика, в общих чертах повторял признаки МТР, это:

- масштабное участие государства в хозяйственной деятельности;

- хозяйственная деятельность строго регламентирована и ориентируется в первую очередь на поддержание минимального уровня материального обеспечения всего общества, функционирует в атмосфере доминирования политических целей и выработанного веками в общественном сознании предпочтения стабильному состоянию общества, слабо мотивированному на достижение высоких темпов развития¹.

Впрочем, в экономическом лексиконе указанное понятие не обрело статус общепризнанной научной категории по причине отсутствия среди её разработчиков согласия о границах операционального использования. В частности, о сути мобилизационной экономики нередко высказывались диаметрально противоположные суждения, как, например: об эффективной системе регулирования экономической деятельности, не ограниченной пределами директивности (С. Ю. Глазьев); об антикризисной вследствие чрезвычайных обстоятельств (Л. И. Абалкин); мобилизационной может быть лишь стратегия государства, но не экономика (К. Вальтух, А. Илларионов); уместнее говорить о политической экономии мобилизационной системы (К. И. Зубков); в России мобилизация вообще является необхо-

¹ Рязанов В. Т. Указ. соч. – С. 349 – 353; Седов В. В. Указ. соч. – С. 17 – 18.

димым социокультурным и институциональным контекстом модернизации (Д. В. Гончаров)¹.

Тем не менее в научном сообществе идей о мобилизационной экономике более других заинтересовались сторонники модернизационного подхода. Так, В. В. Алексеев, его ученики и единомышленники взвешенно оценивали российскую модель модернизации как результат воздействия цивилизационных матричных структур на ход и характер развития общества. Российская цивилизация была представлена в качестве более широкого контекста, предоставлявшего дополнительные возможности в объяснении с его помощью механизмов нелинейного развития более кратковременных внутренних социальных процессов². Их выступления на посвящённой данной теме всероссийской научной конференции (Челябинск, 2009) показали сложившийся в предшествующее десятилетие чрезвычайно широкий спектр толкований идеи, отражавший использование разнообразных смыслов, порождённых вследствие всевозможных сочетаний понятия «мобилизация» с другими категориями³. К примеру, отмечая наличие страновых и региональных вариантов модернизации, И. В. Побережников указывал на вероятность существования двух уровней мобилизации, в разной степени присутствующих в тех или иных обществах. Мобилиза-

¹ Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. / Под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 9; Зубков К. И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ // Там же. – С. 69; Вальтух К. Теоремы невозможности // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 122; Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // Полис. – 1995. – № 6. – С. 129.

² Артёмов Е. Т., Побережников И. В. Предисловие // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции. 2–3 июля 2009 г. / отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 3 - 4.

³ Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. / Под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова.

ционным механизмом первого уровня представлялись глубинные структуры, включающие ментальные установки массового сознания, модели взаимоотношений власти и общества, мотивационные механизмы и адаптивные реакции на воздействие природно-климатического фактора. Другой уровень обеспечивается политико-идеологическими механизмами, компенсирующими в некоторых случаях недостаточную эффективность составляющих первого уровня¹.

Нетрудно увидеть, что попытки описания понятий «мобилизационный тип развития» и «мобилизационная модель экономики» стали распространённым явлением в той части историографии, представители которой стремились к обновлению исследовательского инструментария в части осмысления особенного в истории народов России. Аналитическая часть рассматриваемой проблематики, изложенная в монографиях А. Г. Фонотова, О. В. Гаман-Голутвиной и В. В. Седова, послужила теоретической основой для работ (в подавляющем большинстве в форме статей) других учёных, увидевших новые возможности для анализа известных и мало изученных явлений и процессов в отечественной истории в мобилизационном ракурсе. Авторы неизменно выходили за рамки сложившихся узкопредметных представлений об отдельных системах общества, осуществляли обязательные экскурсы в специфику фундаментальных факторов жизнедеятельности: природно-климатических, демографических, пространственно-географических, внешнеполитических. «Прописка» понятий в междисциплинарном пространстве состоялась не в порядке расширения прежних узкопредметных смыслов, а в результате осознания наличия у объектов исследования общих свойств и сходных истоков происхождения, которые, впрочем, чётко не «улавливались» с помощью классического категориального аппарата политэкономии.

Среди мнений о глубинной природе мобилизационности одно из предположений И. В. Побережникова, касающееся ин-

¹ Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Там же. – С. 99 - 100.

формативности в этом плане знаний о ментальных установках, представляющих собой проявление коллективного бессознательного, заслуживает отдельного внимания. Отмечая постоянство признаков мобилиционности во всех общественных структурах, историки тем самым подтверждали факт присутствия и проникающего влияния скрытого от непосредственного наблюдения психологического феномена, являвшегося результатом длительного воздействия на сознание людей сходных естественно-природных и социально-исторических факторов. В связи этим уместнее говорить о мобилиционном типе развития в широком смысле как об архетипической модели поведения, сформировавшейся у составляющих российскую цивилизацию народов в результате многовековой практики взаимодействия с природной средой, с окружающим внешнеполитическим пространством, исходя из внутренних источников развития. Под этим углом зрения более чётко прослеживается его различие с предложенным В. П. Никифоруком узким смыслом МТР, описывающим, по существу, ограниченный во времени вектор политико-экономических мероприятий, а не тип развития.

Архетипическая природа МТР находила своё выражение через общие для народов российской цивилизации неосознаваемые стереотипы, направленные на устойчивое воспроизводство определённой совокупности способов достижения оптимального соотношения между потребностями и имеющимися возможностями их реализации, несмотря на различную в том или ином случае конфигурацию обстоятельств. В структуре менталитета русских, несмотря на чётко прослеживаемую связь МТР с известными науке неосознаваемыми коллективными стереотипами, по крайней мере два из них: экстенсивности и заимствования социальных новаций, отнесём к исходному, в родовидовом плане самому близкому «психологическому материалу», составляющему каркас указанной выше архетипической модели, «ответственной» за целостность и развитие общества. Рассмотрим их подробнее и начнём с экстенсивности.

Согласно сложившейся систематике экономических знаний, логично связывать определённый тип развития с соответствующим ему типом роста и/или факторами экономического роста, которые разделялись на две группы: интенсивные и экстенсивные. Хрестоматийными считались утверждения о том, что при экстенсивном росте экономический эффект развития достигается посредством количественного увеличения производства, а при интенсивном – через качественное их совершенствование и наращивание прибавочной стоимости. Соответственно к экстенсивным факторам относились: повышение объема инвестиций при существующем уровне технологии; увеличение численности занятых работников и рост объемов потребляемых элементов оборотного капитала¹.

Экстенсивная технология представлялась типом организации трудовой деятельности, направленным преимущественно на овладение внешними, непосредственно данными природными процессами, на целенаправленное и своевременное их использование в интересах человека, на согласование его деятельности с ритмами и процессами окружающей среды². Сочетание экстенсивных и интенсивных факторов (часто используемый в различных странах способ решения текущих экономических задач или долговременной стратегии) считалось проявлением гибкой политики хозяйствующего субъекта, в том числе и государства.

Перенос указанной терминологии в другой контекст, а именно – общей характеристики отдельных длительных периодов истории российского общества, измеряемых веками, приводил к изменению её статуса на полифункциональный, так как признаки экстенсивности неизбежно обнаруживались не толь-

¹ В свою очередь, интенсивными факторами являлись: ускорение научно-технического прогресса (внедрение новой техники, технологий); повышение квалификации работников; улучшение использования основных и оборотных фондов; рост эффективности хозяйственной деятельности за счет лучшей ее организации (Гусарова В. Ю. Типология факторов экономического роста и их развитие [Электронный ресурс] // Вестник ТИСБИ. – 2008. – №. 1. – URL: <http://old.tisbi.org/science/vestnik/2008/issue1/eq5.html> (дата обращения 17.03.2012).

² Гудожник Г. С. Материальные основы многообразия цивилизации. – С. 47.

ко в экономике, но и в управленческой, демографической, пространственной и других сферах¹. При этом не всегда истоки причинно-следственных связей такого положения следовало искать в трудовой практике населения. В целом признавая данный факт, историки тем не менее не отрицали ранее усвоенный ленинский тезис, провозглашавший, что экономика влияет на политику, а политика является концентрированным выражением экономики². Таким образом, проблема вычленения элементов экстенсивности казалась неисчерпаемой, но считалось целесообразным начинать её решение с анализа экономической составляющей.

Основным показателем выступал объём потребления ресурсов: земельных, минеральных, растительных и людских, который достигался при увеличении их абсолютных величин без существенного повышения степени отдачи. Многообразие форм и способов экстенсивного производства фиксировалось в многоукладности экономики, в территориальной и стадильной дифференциации различных сегментов хозяйственного комплекса страны и поддерживалось неисчерпанными запасами природного сырья. При избытке ресурсов эффективность экстенсивного развития могла быть высокой.

В качестве одной из ранних систем хозяйствования, закрепившей мобилизационное направление развития общества в России, называлось подсечное земледелие, требовавшее, по мнению Э. С. Кульпина, через каждые 3–4 года смену места для посадки зернового клина. Подсека в XV веке давала выше урожайность (до сам-30) чем, например, технологически более сложное трёхполье (сам-3 – сам-6)³, предполагавшее более интенсивное использование рабочего скота, соблюдение севооборота и многократной пропашки, вложение органических удоб-

¹ См.: Шкаратан О. И. Русская культура труда и управления // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 1. – С. 30 - 54.

² Ленин В. И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 42. – С. 278.

³ Кульпин Э. С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации. – С. 90.

рений. Однако с сокращением свободных плодородных угодий и лесов хозяйство крестьянского двора в европейской части России стало менее результативным, и средний уровень урожайности (сам-3 – сам-5) до конца XIX в. был законсервирован в экстенсивной по своей сущности среде крепостничества и в его пережитках.

Развитие промышленности в рамках феодальной мануфактуры, а затем (со второй половины XIX в.) и капиталистического расширенного воспроизводства считалось также экстенсивным¹. В XX в. результаты индустриализации находились в прямой зависимости от роста численности городского населения, от увеличения масштабов не только механизации, но и тяжёлого физического труда. Типичная уже для советской экономики оценка развития по росту валовых показателей производства стимулировала повышение его капиталоемкости, увеличение объёмов добычи сырья и его первичной переработки. Техническое перевооружение как фактор интенсификации чаще вело не к сокращению, а к созданию дополнительных рабочих мест. Выпуск новой продукции длительное время оставался в пределах первоначальных показателей качества.

В целом суждения учёных о потребностях и условиях развития российского общества указывали на то, что экстенсивные формы и способы эксплуатации ресурсов демонстрировали эффективное (для своего времени) распоряжение (с позиции экономного расходования) аккумулированных (при постоянном дефиците прибавочного продукта) природного вещества и энергии. Последние были воплощены в системе управления, финансах, интеллектуальном потенциале, механизмах, трудовых навыках и мускульной силе людей. Они были достаточны для поддержания состояния самообеспечения на уровне страны, общины или семьи при слабо выраженной тенденции к со-

¹ Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному [Электронный ресурс] // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. Сборник материалов конференции / Под ред. чл.-корр. РАН В. А. Ламина. – Новосибирск, 2003. – URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/modern/o2o.html> (дата обращения 16.04.2010).

циальным инновациям, что, впрочем, делало уязвимой в первую очередь сферу безопасности. Заметим, что в геополитическом отношении стратегическое значение экстенсивной экономики – поставщика большой массы ресурсов как главного аргумента силы к середине XIX столетия, в период становления в Западной Европе второго технологического уклада, изменилось. С этого времени исход противостояния между цивилизациями на необозримую перспективу был поставлен в зависимость от первенства в получении структурно-экономических и военно-технических дивидендов, возраставших у стороны, первой освоившей преимущества очередного нового технологического уклада.

В рассматриваемый период в рамках концепции «власть – собственность» была сделана попытка сблизить значение экономических и политических факторов, обуславливавших экстенсивное развитие российского общества. Указанную идею, в начале 1980-х гг. сформулированную историком Л. С. Васильевым¹ как альтернативу идее об азиатском способе производства, поддержали представители экономических наук и философы. Согласно автору, в азиатских странах «власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, собственность рождается как функция владения и власти. Перед нами феномен власти-собственности. Власть – собственность – это альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности в неевропейских структурах. По наследству в этих структурах может быть передана должность с ее правами и прерогативами, включая и высшую собственность, но не собственность как исключительное частное право владения независимо от должности. Социально-экономической основой власти-собственности государства и

¹ См.: Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. // Типы общественных отношений на Востоке в средние века: сб. ст. / отв. ред. Л. Б. Алаев. – М.: Наука, 1982. – С. 60 - 99.

государя было священное право верхов на избыточный (а порой не только избыточный) продукт производителей»¹.

Наиболее обстоятельные работы о власти-собственности в России были написаны Р. М. Нуреевым, его учениками В. В. Вольчиком, Ю. В. Латовым, А. Б. Руновым, а также Н. М. Плискевич, С. В. Цирель² и другими. Утверждалось, что указанная форма собственности в соответствии с традициями восточного деспотизма возникла в условиях униженности высшей знати (позиция С. В. Цирель) и монополизации должностных функций в общественном разделении труда (в распределении произведённого продукта, в сфере обмена, обеспечении условий производства, контроле и управлении общественным производством или отдельными его отраслями), когда власть и господство основывались не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в управленческой иерархии. Монополизация функций дополнялась и укреплялась собственностью на ресурсы с вытекающими выплатами государству рентных платежей и приоритетом интересов верховного правителя во всех вопросах внутренней и внешней политики³.

Выводы сторонников концепции оказались созвучными выводам историков, утверждавших, что российское государство сформировалось и как доминирующий субъект экономики, и как доминирующий субъект неразделённой с гражданским обществом власти. Его гипертрофированная роль в XX в., к при-

¹ Васильев Л. С. История древнего Востока. – М.: Высшая школа, 1993. – Т. 1. – С. 69.

² См.: Вольчик В. В. Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/211425.html> (дата обращения 8.12.2011); Латов Ю. В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – Т. 2. – № 4. – С. 111 - 133; Плискевич Н. М. Мутации «власти-собственности» в XX веке (научный доклад). – М.: ИЭ РАН, 2007. – 57 с.; Цирель С. В. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 49 - 62; 2006. – № 3. – С. 119 - 131.

³ Нуреев Р. М., Рунов А. Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. – 2002. – № 6. – С. 12 - 13.

меру, проявилась в абсолютизации значения планово-регулирующей деятельности всех сфер жизни на основе директивности и требований соблюдения соответствия плановых и фактических валовых показателей¹, что усиливало эффект экстенсивности. Рефреном многих трудов являлась мысль о центральной власти как о единоличном в истории России распорядителе ресурсов, имевшей объективные возможности быть инициатором и полноценным участником в реализации крупных хозяйственных проектов или социально значимых реформ.

Таким образом, в концепции «власть – собственность» перенос экономического понятия «экстенсивность» в исторический контекст сопровождался обретением новых смыслов, позволявших авторам выделить в качестве традиционных российские управленческие технологии обеспечения властных функций и решения социальных проблем в мирное время и в период наступления чрезвычайных обстоятельств посредством количественного наращивания требуемых ресурсов.

Архетипическая, как мы полагаем, природа мобилизационного типа развития находила выражение в ещё одном стереотипе, характерном для русских – в заимствовании социальных новаций и технологических достижений соседних цивилизаций. Это подтверждали известные факты из истории русского общества, пережившего, как минимум, три масштабные волны трансформации устоев в организации внутренней жизни. Первая оказалась связанной с заимствованием православия, а после падения Византии – миссии наследования «преемства» христианско-православного царства, существенно повлиявших на преобразование духовной составляющей бытия наро-

¹ См.: Шиловский М. В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX–начале XX века: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII–начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. – Новосибирск, 2007. – URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/conf2007/index.html> (дата обращения 27.11.2010); Грик Н. А. Политика и экономика Советского государства в 1921–1933 гг.: критический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск. 2003. – 32 с.

да и его отношения к внешнему миру. Результатом следующей волны заимствований явилось неоспоримое влияние порядка управления в Золотой Орде на становление русской государственности в период укрепления политических позиций Московского княжества.

Природу третьей волны в рассматриваемый период достаточно глубоко с позиций теории модернизации аргументировала Е. В. Алексеева. Историк установила и проанализировала впечатляющие масштабы всестороннего воздействия стран Западной Европы на историю России XVIII – начала XX в. с периодическим замещением доминант национального влияния: вначале со стороны Республики Соединённых провинций, затем в хронологической очерёдности: Швеции, Великобритании, германских государств и Франции. Были типизированы каналы и механизмы диффузии инноваций в российскую среду и определены их основные агенты. Необходимость заимствований, как установила Е. В. Алексеева, была «насушной потребностью национального развития, гарантом суверенности державы»¹. Они осуществлялись при участии властных структур как целенаправленно, с соревновательным выбором технических новинок, проектов, технологий организации и управления с последующим насильственным насаждением, так и в ходе естественного отбора модных нововведений.

Данная практика позволяла государству и в чрезвычайных ситуациях, и в относительно благополучные мирные периоды пользоваться готовыми рецептами, извлекать при этом экономию на времени и затратах в случае их разработки собственными силами и получать механизм если не дальнейшего усиления экономико-культурного потенциала, то хотя бы временного решения возникших проблем. Заимствования по мере их адаптации компенсировали недостатки хозяйственной автаркии России, естественной для экстенсивной экономической среды, в различной степени оказывая необратимое влияние на отдельные слои общества.

¹ Алексеева Е. В. Указ. соч. – С. 38.

В истории различных народов можно найти множество примеров внешних заимствований, в различной степени оказывавших воздействие на их дальнейшее существование. Это свидетельствует о глубокой укоренённости в психологии человечества практики целесообразного избирательного отношения и переработки в собственной этнической среде образцов чужого социального опыта, которые с точки зрения имевшихся условий и потребностей нередко оказывались оптимальными в сравнении с традиционными. Однако такая разновидность стереотипного поведения сама по себе в отдельности ещё не может всесторонне характеризовать внутренний потенциал общества, направленность развития. На примере российской цивилизации его исторически сложившаяся конфигурация в сочетании с проявлениями стереотипного выбора решений преимущественно экстенсивного характера позволяет обнаружить устойчивую во времени особую модель развития, названную в рассматриваемый период мобилизационной.

Изучение сегмента глубинной коллективной памяти, аккумулированного в архетипической модели МТР, не исчерпывается познанием проявлений только двух рассмотренных выше неосознаваемых стереотипов. Дополнительную информацию несут сведения о проявлениях других стереотипов из структуры этнического менталитета русских, предметно локализирующих и раскрывающих взаимосвязанную природу архетипических образов, представляющих собой глубинный уровень коллективного бессознательного.

* * *

Подводя итоги анализу концепции МТР, следует особо отметить её значение как нового аналитического ресурса в объяснении специфики развития российского общества, который формировался в рассматриваемый период не без влияния нараставшего в отечественной интеллектуальной среде критического отношения к недостаткам теории общественно-экономических формаций. Научно сформулированные представителем экономической науки (А. Г. Фомин) основные положения концепции за короткий период были усвоены истори-

ческим знанием. При её дальнейшей разработке авторы в историческом повествовании и объяснительных схемах демонстрировали синтез концепции с различным теоретическим контекстом: модернизационным, цивилизационным, формационным и другим.

Фундирование «мобилизационной» тематики в целом способствовало росту продуктивности исторической мысли не только посредством углубления с её помощью понимания ранее известных исторических смыслов, но главным образом в результате осознания научным сообществом важности изучения каналов включённости отечественных социальных институтов в общую направленность развития российской цивилизации, обусловленную специфическим соотношением между возникающими в обществе потребностями и имеющимися условиями их реализации.

Понятие МТР оказалось полисемантическим, а именно: трактовалось в широком и узком смыслах, появились конкурирующие терминосистемы («мобилизационная модель экономики», «мобилизационность», «мобилизационная стратегия» и другие) с обосновывающими аналитическими выкладками. Вместе с тем его теоретический статус оставался неопределённым, поэтому описание структуры и содержания обозначаемого им явления в значительной степени опиралось на историко-социологические характеристики уже известных феноменов: у одних – российского государства, у других – власти-собственности, у Ю. В. Олейникова оно представлялось результирующей иллюстрацией влияния природного фактора на бытие российского социума. В таком виде концепция МТР, упакованная в немногочисленных работах в цивилизационную риторику, внешне выглядела избыточной, дублирующей уже известные теоретические изыскания.

Тем не менее она привлекала внимание исследователей в качестве дополнительного аналитического инструмента: в одних случаях – в целях определения гипотетически выделяемой долговременной тенденции развития общества, в других – для характеристики периодов действия относительно краткосрочных мобилизационных стратегий.

Анализ аргументации авторов, построенной на основе оперирования многочисленными фактами из истории России, позволил диагностировать наличие устойчивых стереотипов мобилизационного типа развития: направленность на экстенсивный рост, заимствование новаций, что косвенно свидетельствует о признаках проявления архетипического образа. На этом основании нами поддержано мнение И. В. Побережникова о ментальной природе МТР. Можно предположить, что в историко-психологическом плане он является архетипической моделью оптимального соотношения между потребностями и условиями развития мирского, сформировавшейся в течение длительного (многих веков) времени в результате социальной практики многих поколений.

4.2. ИДЕЯ ДЕРЖАВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

История российской цивилизации насыщена кризисными ситуациями в экономике, политике, духовной, экологической и иных сферах жизнедеятельности. Не единожды общество преодолевало болезненные последствия разрушающего воздействия очередных стратегий насаждения опыта социального обустройства, выработанного на основе ценностей романо-германского мира. Периодически возникавшие напряжения вокруг и внутри вертикали власти, ставшие атрибутом политических циклов, сформировали у российских интеллектуалов устойчивую потребность в переосмыслении прежних и новых выражений её самобытности¹.

¹ См.: Зуляр Ю. А. Генезис русского самодержавия и дискуссия о его особенностях. Учебное пособие. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2006. – 111 с.; Кульпин Э. С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации. – С. 59 - 60; Лубский А. В. Концепт «Русская власть». Метафорические возможности интеллектуального дискурса; Макаренко В. П. Русская власть. (Теоретико-социологические проблемы). – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. – 446 с.; Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 4. – С. 176 - 197; Розов Н. С.